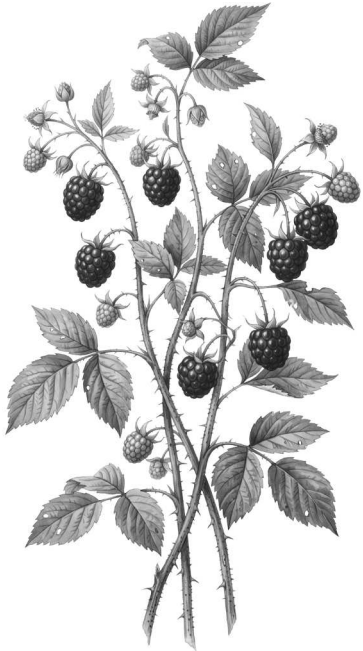
Татьяна
УСТИНОВА

Миф об идеальном мужчине

Москва



Татьяна Устинова – первая среди лучших! Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы
Девчонки, я приехал!

Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок
Тени южной ночи

Татьяна
УСТИНОВА

Миф об идеальном мужчине

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Миф об идеальном мужчине / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-249806-0

Вы верите в идеальных мужчин?! Сергей Мерцалов был именно таким — гениальный хирург, талантливый бизнесмен, любящий муж и отец, примерный сын... Но все это осталось в прошлом. Мерцалова нашли убитым в своем дворе, где он гулял с собакой. За Сергеем в последнее время кто-то следил. Впрочем, точно так же, как и за Клавой Ковалевой — бедной одинокой женщиной, бывшей детдомовкой. Но вот в ходе следствия всплывают весьма неприятные факты, миф об идеальном мужчине Сергее Мерцалове развеивается — помимо любимой семьи у него есть женщина и внебрачный сын. Что же еще постыдное совершил убитый? И какие грешки водятся за детдомовкой Клавой, если ей по прихоти неизвестного палача жить оставалось всего несколько дней...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-249806-0

Святой Дунстан был славным малым,
Он за нос дьявола водил.
А тот вертелся, упирался
И оглушительно вопил.

Английская народная песенка

Странную ему поручили работу.

Очень странную.

Нет, сама по себе работа была совершенно обыкновенной, он делал подобную много раз. Странным был «объект».

«Объектом» была высокая, костлявая и невыразительная девчушка, которая каждый день шмыгала на свою невыразительную работу и обратно. Изредка по дороге с работы она заходила в гастроном на «Речном вокзале» и покупала там какой-то тоже на редкость невыразительный набор продуктов. Банка дешевого растворимого кофе. Кочан капусты. Йогурты. Сыр. Палка копченой колбасы. Ну, это исключение, а не правило. Зарплату в тот день, наверное, получила.

Потом она топала домой, в облезлую «хрущевскую» пятиэтажку, где в одиночестве поедала все свои деликатесы, и с утра опять отправлялась в центр на работу.

Разве это «объект»?!

Кому она нужна, интересно? И зачем?

Такие мысли о клиентах развлекали его во время долгих часов нудного ожидания то на улице под деревом, вот как сейчас, то в машине, то в скверике, в компании местных гомосексуалистов, собиравшихся под вечер потолковать о своем, о девичьем, то на замусоренной детской площадке, откуда хорошо была видна подъездная дверь.

Может, она подпольная миллионерша? Или замаскированная бандитка? Или задолжала денег по глупости?

На какую бы то ни было, замаскированную или нет,

бандитку похожа она не была совсем, на миллионершу тоже не тянула — кочан капусты и замороженная до деревянного состояния треска! — а деньги... кто же в здравом уме и твердой памяти даст ей денег?!

А вот кто-то же платит за нее, ведь он таскается за ней уже... да, все правильно, десять дней. И заказчик, похоже, никуда не спешит, почитывает себе отчеты — «аптека, гастроном, троллейбус, «хрущевка», метро, аптека...» — и всем доволен. Наблюдение продолжать.

Он продолжал бы, если бы было что продолжать, а так... не работа, а маета одна. Хотя платят, конечно...

— Прикурить не найдется? — неожиданно спросил у его локтя гулкий бас.

Он повернулся, ожидая увидеть великана средних лет, обладателя бочкового, как пиво, баса, а увидел хлипкого юнца лет четырнадцати, болтающегося всем жидким тельцем от переизбытка музыки в замызганных наушниках.

Ошибся. Не угадал.

Он достал пачку дешевых сигарет из правого кармана джинсовой куртки — в левом лежал «Парламент», приберегаемый для себя, — и поднес юнцу зажигалку. В знак благодарности юнец болтнул головой на тонкой шейке и пошел прочь, загребая кроссовками августовскую пыль.

Ему стало смешно. Чего только не насмотришься на улицах, пока ведешь объект. Бывает, что передышки ждешь, как манны небесной, такие активные ребята попадаются, а это что за объект? Недоразумение какое-то...

Ну, какая у нас сегодня программа?

Сегодня драная кошка работает во вторую смену. Приехала к двум, уедет в восемь. Гастроном отменяется — слишком поздно. Значит, программа такая — метро, троллейбус, «хрущевка».

В десять его сменят, и он наконец-то попьет пивка и хоть до завтра забудет об объекте.

Интересно, когда заказчик собирается ее прикончить?

В том, что ее должны убить, он не сомневался.

Интуиция редко его подводила.

— Клава! — закричала начальница из коридора. — Ты еще не ушла?

— Нет! — откликнулась Клавдия. — Нужно что-нибудь, Варвара Алексеевна?

Заведующая появилась на пороге крошечной комнатки, в которой Клавдия собиралась домой. Заведующая была седая, бодрая, очень энергичная и сердитая.

— Ты сегодня с двух, я забыла? — полуутвердительно то ли спросила, то ли сказала заведующая. Вид у нее был отсутствующий.

— Да, Варвара Алексеевна, — четко, как в армии, отрапортовала Клавдия.

В восемь аптека закрывалась, весь персонал расходился по домам. Заведующая уходила, как правило, около шести, только сегодня что-то задержалась, полдня пробыв на каком-то большом совещании.

— Ты завтра с утра?

— Да, — все так же четко проинформировала Клавдия. — Вы мне хотите что-то поручить?

Заведующая посмотрела наконец на нее. Для этого ей пришлось закинуть голову. Заведующая улыбнулась.

— Клава, я тебя прошу, — сказала она, улыбаясь, — завтра по дороге на работу купи, пожалуйста, веник. Там ведь у вас на «Речном» веники продают?

— Что купить? — не поняла Клавдия.

— Веник, — раздражаясь, повторила заведующая. — Знаешь, что это такое? Это такая штука, чтобы пол мести. Видала?

Клавдия улыбнулась:

— Видала.

— Купи, пожалуйста, — попросила заведующая, смягчаясь. — А то у нас в аптеке работают одни господа, они веник купить никак не могут. Сегодня я прошу уборщицу, а она мне отвечает: «Веники должен покупать завхоз». Ну а так как я и завхоз, и слесарь, и плотник, и маляр, то я это тебе поручаю. Мне завтра с утра с веником в аптекоуправление идти несподручно. А тебе прямая дорога на работу. Ну что? Купишь?

— Конечно! — с воодушевлением вскричала Клавдия.

Даже, пожалуй, с излишним воодушевлением, потому что заведующая посмотрела на нее как-то подозрительно.

Клавдия обожала эту маленькую энергичную, очень непростую даму и для нее была готова на все, не то что на покупку какого-то там веника.

Она работала у нее уже лет восемь. Или даже больше. В этой аптеке она когда-то проходила институтскую практику и была совершенно твердо убеждена, что Варвара Алексеевна — это ее самая большая жизненная удача.

Она неустанно и ежедневно опекала Клавдию. Не то чтобы она выделяла Клавдию среди других сотрудниц — а работали в аптеке исключительно сотрудницы, сотрудник был всего один, древний дед Федор Иванович, чинивший задвижки на окнах и дверях и отлетавшие от столов ручки, — но все же относилась к ней как-то по-другому. Наверное, жалела, но жалела действенно и необидно.

Все в аптеке знали, что Клавдия Ковалева — детдомовский ребенок с «трудной судьбой».

Ух, как Клавдия ненавидела это выражение, как будто судьба могла быть легкой! Она очень не любила, когда ей напоминали о ее судьбе, и была совершенно убеждена, что у нее как раз все сложилось просто отлично. Немногие, выбиравшиеся вместе с ней с самого дна, могли похвастаться тем же. И кажется, одна Варвара Алексеевна понимала ее стремление ни о чем не вспоминать, ничего не рассказывать и ничем ни с кем не делиться.

— Подожди, я тебе денег дам, — сказала заведующая, поворачиваясь, чтобы идти. — Ведь нету небось денег-то?

У Клавдии и вправду было мало денег, но на покупку веника у «Речного вокзала» должно было хватить.

Стремясь избавить Варвару Алексеевну от любой минуты лишнего беспокойства, Клавдия принялась уверять, что у нее полно денег.

— Ладно-ладно, — сказала заведующая, удаляясь в сторону своего кабинета, — на те, которых у тебя полно, купишь себе булку к завтраку. А на веник я дам...

Клавдия преданно потрусила за заведующей через уже пустой торговый зал к новенькой белой дверце иностран-

ного производства с изящной и не оскорбляющей глаз табличкой, тоже иностранного производства, «Только для персонала». После ремонта внутренние помещения старого особняка стали походить на декорации для съемок сериала «Дежурная аптека», так все было чистенько, приветливо, бело и свежо, и Клавдии это очень нравилось. Она любила свою аптеку.

— Так, вот тебе пятьдесят рублей, — сказала заведующая, доставая из кошелька аппетитную бумажку. Для Клавдии это было целое состояние.

— Зачем так много? — удивилась она.

— А ты думаешь, веник меньше стоит? — усомнилась заведующая. — Ну, если останется, купишь два, чтобы потом еще раз не ездить, а если на два не хватит, купи тогда какого-нибудь порошка, которым накипь оттирают. На наши чайники страшно смотреть, как будто здесь не женщины работают, а бомжи...

— Хорошо, — запоминая, чтобы исполнить все в точности и — не дай бог! — не ошибиться, кивнула Клавдия.

— Иди, Клаша, — рассеянно сказала заведующая, уже изучая на своем столе какие-то бумаги. Очки у нее были сдвинуты на кончик носа. — Что-то мы сегодня поздно засиделись. Закрываться, наверное, уже пора.

Как хороший капитан, Варвара Алексеевна бдительно контролировала все службы вверенного ей судна — от машинного отделения и до камбуза, от отдела готовых форм и до уборщицы Тани, которая уже лет тридцать была малость не в себе и потихоньку таскала у бесшабашных практиканток медные деньги и помаду.

Клавдию восхищала ее капитанская хватка, и способность помнить обо всех мелочах, и умение вести свое судно, обходя мели и банки — идиотские приказы Минздрава, по три на каждой неделе, исключающие друг друга, внезапные визиты проверяльщиков из всевозможных инстанций, от аптекоуправления и до пожарной охраны, истеричных покупателей, требующих, как правило, невозможного, например, чтобы дорогущие импортные препараты выдавались бы желающим даром.

«Когда-нибудь, — мечтала Клавдия, — я тоже буду та-

кой, как она, — сильной, справедливой, язвительной, уверенной в себе, все понимающей и очень профессиональной. И меня тоже будут награждать грамотами, и моя аптека тоже будет лучшей в округе...»

Мечтая, Клавдия сняла хрустящий крахмалом халат — стараниями Варвары Алексеевны такие «профессорские» халаты были у всей аптеки, замызганных и серых она страсть как не любила, — и нацепила джинсовую юбку и маечку. В последние августовские дни в Москве было жарко и сухо, как в Крыму.

— До свидания! — попрощалась она с Лидой и Таней, которые перекладывали что-то из одной сумки в другую в дальнем конце коридора. — До завтра.

— Пока, — отозвались они в один голос, и Клавдия потопала с высокого крылечка прямо в раскаленное асфальтовое марево, не остывавшее даже вечером.

Занятая своими мыслями, она, конечно, не заметила парня, курившего на скамеечке под чахлой желтеющей липой. Парень проводил ее глазами, далеко отшвырнул окурок и, выждав некоторое время, двинулся следом за ней к метро «Маяковская». Маршрут был ему хорошо известен.

Клавдия поставила на плиту картошку и огляделась. Ужин был почти готов, и больше на кухне нечего было делать. Кухню она содержала в аптечной стерильной чистоте, как и единственную комнатку своей квартиры, которую несколько лет назад выхлопотала для нее благодетельница — Варвара Алексеевна. Если бы не она, Клавдия, наверное, до конца жизни прожила бы в общежитии на окраине, где бесконечно пили и дрались, лезли в окна и ломились в двери, где маялись глупые девчонки, приехавшие, чтобы «покорить Москву», да так и завязшие в общежитиях и на убогих, тяжелых, скучных работах, на которые не соглашались идти избалованные столичные жители.

У Клавдии от того времени остались трудные воспо-

минания.

Чайник приятно зашумел рядом с кипящей картошкой. Есть хотелось ужасно.

Клавдия старалась экономить и редко обедала в аптеке, где все ели «Докторскую» колбасу или хорошенькие тоненькие сосисочки из колбасного магазина на Тверской, до которого было два шага. На сосисочки и колбасу у нее не было денег, а хрустеть, как заяц, надоевшим капустным салатом ей было почему-то неловко. Иногда Варвара Алексеевна сажала ее обедать с собой, как подозревала Клавдия, специально, чтобы подкормить, но есть ее еду Клавдия стеснялась еще больше, чем капустного салата.

— Ешь! — приказывала управляющая строго.

— Нет, спасибо, — отказывалась Клавдия и улыбалась лучезарной фальшивой улыбкой. — Я на работе никогда есть не хочу.

— Смотри ты! — удивлялась заведующая. — А у меня в животе все трясется, если я вовремя не поем.

У Клавдии в животе тоже все тряслось, но у нее были свои понятия о том, что можно и что нельзя себе позволить.

К кофе у нее сегодня был кусок торта, сэкономленный от дня рождения заместительницы Галины Васильевны. Клавдия не съела его вместе со всеми потому, что после трех в аптеке начиналось самое горячее время и она никак не могла отойти от прилавка. На чаепитие она не попала, но торт ей достался, и она привезла его домой, как законную добычу, ревностно следя, чтобы его не раздавили в метро.

И телевизор у нее был шикарный — с дистанционным управлением с торжественно-скромной надписью «Sony» под плоским экраном. Телевизор ей подарили на тридцатилетие, и это был необыкновенный, невиданный подарок. Даже заведующей никто не дарил никаких телевизоров, и Клавдия подозревала, что Варвара Алексеевна заплатила большую часть денег из собственного кармана.

Телевизор Клавдия обожала и называла его Сеня. Он был ее друг. Пока Сеня не появился, ей было очень грустно по вечерам.

Она встрепенулась и принюхалась. Судя по всему, картошка была уже готова. Клавдия положила себе в тарелку две большие картофелины, исходившие сытным духом, и с тоской покосилась на капусту. Эта капуста надоела ей ужасно, но приходилось есть, потому что это были как бы витамины, которые она не могла себе позволить употреблять в виде клубники и апельсинов.

Ничего, бодро решила она. Один день без капустных витаминов не приведет ни к каким разрушительным последствиям. Отдохну немножко, не заяц же я в самом деле...

Клавдия включила Сеню и уселась за крошечный шаткий столик, приобретенный еще в институте и символизирующий собой стремление к красивой жизни. Такие столики в те времена часто показывали в кино. Кроме того, в ее общажную комнатку другой стол просто не вошел бы.

Стремление к красивой жизни осталось в безвозвратно ушедшем прошлом, а столик до сих пор с ней, и она каждый день за ним ужинает, пригласив в компанию Сеню.

Развеселый ведущий программы «Поле чудес» что-то радостно орал до невозможности смущенным участникам, которые никак не могли угадать русского писателя, в фамилии которого присутствовали буквы «...у ...ин». Участники пыжились, шевелили лбами, грозно нахмуривались, но таинственная фамилия была сильнее их и никак не давалась.

— Пукин, — подсказала Клавдия, с наслаждением откусывая от картофелины.

Бравый пожилой участник доковылял до сектора «Приз» и теперь жаждал получить причитающееся ему вознаграждение. Ведущий препирался и заигрывал, предлагая несметные богатства в обмен на неизвестный приз. Участник терялся и в глубокой тоске водил взором по рядам зрителей, надеясь, что кто-нибудь подскажет ему, как не продешевить. Наконец утюг был благополучно выдан, и игра понеслась дальше. Фамилия так и оставалась неразгаданной.

— Букин, — снова подсказала Клавдия, принимаясь за вторую картофелину. — Тукин, Мукин, Хрюкин.

Ей было очень весело.

В конце концов участники не без помощи хорошо осведомленного ведущего выяснили, что русского писателя звали не Пукин и не Хрюкин, а все же Бунин, и началась волынка с обменом всех выигранных сокровищ на еще более несметные, маячившие в суперигре. Клавдия доела картошку, по детдомовской привычке, с которой она боролась уже лет пятнадцать, вылизала тарелку, и тут зазвонил телефон.

— Да? — сказала она с вопросительной интонацией, пристраивая тарелку на шаткий столик.

— Капусту хрумкаешь? — спросила трубка без предисловий. — Или уже того, схрумкала?

Клавдия засмеялась.

— Привет, Танюш, — сказала она весело. — Я сегодня решила капусту не есть. Надоела.

— Неужели? — удивилась трубка. — Ты же образцово-показательный кролик Роджер. Тебе не может надоесть капуста. Страсть к капусте у тебя в крови.

— Может, у меня в крови страсть к осетрине горячего копчения, и я вовсе не кролик Роджер, — продолжала веселиться Клавдия. — Может, ты все эти годы во мне ошибалась. А?

Таня Ларионова, которую Клавдия так и не могла представить себе Павловой, хотя она была Павлова уже лет семь, была самой лучшей ее подругой.

Они познакомились в незапамятные времена на картошке под Зарайском, куда вывезли одновременно два института — совершенно мужской физико-технический, где училась Таня, и совершенно женский фармацевтический, где училась Клавдия. Кавалерами они тогда так и не обзавелись, зато на всю оставшуюся жизнь обрели друг друга.

— Как дела? — спросили они одновременно и засмеялись.

— Нормально, — сказала Таня. — Павлов с утра до ночи на работе, зато обещает, что в октябре поедем в от-

пуск аж на две недели. У нас тоже что-то работы стало полно, я приезжаю домой и падаю. А ты?

Таня работала помощником какого-то крупного банковского начальника, хорошо зарабатывала и все время тряслась, опасаясь, что ее уволят или сократят.

— Я не падаю, — сказала Клавдия. — У нас все как всегда. Осенью работы будет больше. Сама понимаешь, пойдут всякие гриппы и простуды.

— Ой, ну их к дьяволу! — энергично перебила Танька. — Я все эти зимне-осенние штучки, вроде снега и гриппа, ненавижу. Какие у тебя планы на выходные?

— Какие у меня могут быть планы? — вдруг рассердилась Клавдия. — Ты же знаешь, что никаких. Ну, полы помою. Может, постираю, хотя пока нечего. Ты что, не знаешь моих планов, Танька?!

— Откуда я знаю, может, ты на свидание собираешься, — сказала Таня легкомысленно. — А если не собираешься, приезжай к нам на дачу. Мама специально сегодня звонила, напоминала, чтобы я тебя пригласила. Хочешь, мы с Павловым в субботу с утра за тобой заедем?

Это было роскошное предложение.

Танины родители зимой и летом жили на даче в Отрадном, и поехать к ним было не просто удовольствием, а редким счастьем.

Клавдия всегда опасалась быть в тягость и редко пользовалась гостеприимством Таниных родителей. В конце концов у них была большая семья, двое взрослых детей — Таня и Танин брат, милицейский майор, — зять, невестка, родители невестки и зятя, которые тоже регулярно приглашались на дачу...

— Ты чего молчишь, Ковалева? — насторожилась в трубке Таня. — Не хочешь? Или у тебя и в самом деле свидание?

— Нет у меня никакого свидания! — даже возмутилась Клавдия. — Просто я думаю, удобно это или нет...

— Неудобно спать на потолке, — сказала Танька, не страдавшая никакими комплексами. — Ты же знаешь родителей, они бы тебя не звали, если бы не могли принять. Кроме того, они тебя обожают и обижаются, что ты

к ним не ездишь. Я им говорю, конечно, что ты натура тонкая и не можешь, как все нормальные люди, сказать «спасибо» и успокоиться... Ну что? Мы заедем?

— Да я и сама могу добраться, — пробормотала Клавдия. — На электричке ехать всего ничего...

— Особенно в субботу утром, — подхватила Таня. — Ты в субботу утром в каком-нибудь дачном направлении выезжала, Клавка? Или нет?

— Нет, — призналась Клавдия.

— И не надо, — уверила ее Таня. — Так что мы заедем. Только мы рано ездим. Не в одиннадцать.

— А во сколько?

— В девять, — усмехнувшись, сказала Таня. — Если только мне удается растолкать Павлова. Он считает, что по выходным вставать нужно самое раннее в двенадцать. А лучше в два.

— Заезжайте! — решилась наконец Клавдия. — Спасибо. Я так давно у ваших не была, соскучилась ужасно... Я так рада, что они меня не забывают.

— Ты просто незабываема, Клавка! — провозгласила Таня, и они попрощались.

Клавдия сполоснула тарелку и налила себе в кружку растворимого кофе.

Вечер неожиданно оказался просто изумительным — в субботу она поедет в гости, в дом, который очень любила, а к кофе у нее есть сэкономленный торт.

Человек, о существовании которого она не подозревала, в этот момент сдавал вахту своему напарнику. Неприметные «Жигули», в которых происходила смена караула, затерялись в ряду машин, мирно дремавших во дворе. Если бы Клавдия выглянула в окно, то непременно увидела бы их и, конечно, не обратила бы никакого внимания.

— Ну что? — спросил напарник, щелкая зажигалкой.

— Все как всегда — аптека, метро, теперь дома сидит. Ты долго будешь ее караулить?

— Часов до одиннадцати, — зевнул напарник. — Потом поеду. И кому она сдалась, эта аптекарша, и за каким чертом? Чего ее сторожить? Ладно, валяй езжай! Она тебе небось за целый день хуже горькой редьки надоела...

Кто-то настойчиво и не переставая долбил ему в череп чем-то острым и тонким. Он пытался спрятаться, уползти от этой долбежки, но она настигала его там, где он прятался. Со стоном он обхватил голову, чтобы спасти ее от того острого и тонкого, что в нее долбило. Что-то со звоном упало и рассыпалось то ли внутри головы, то ли снаружи, и он наконец проснулся.

Звонил телефон, черт бы его побрал. И в этом было все дело.

Никто не бил его по голове. Просто звонил телефон.

Пошарив рукой, он снял визжащий, как поросенок, аппарат с журнального столика, придвинутого вплотную к дивану, и волочащийся шнур снес по дороге что-то еще, кроме того, что он уже свалил, пытаясь защититься от настырного, бьющего в уши звука.

— Але, — сказал он хриплым голосом пропойцы и неудачника. — Але!

Он был уверен, что звонят с работы. И ошибался.

— Андрюша, — деловито произнесла ему в ухо бывшая жена, — ты что, спишь?

— Нет, — сказал он, морщась и не открывая глаз. Голова болела ужасно, и во рту было сухо. С чего это он вчера так перебрал?

— А что ты делаешь? — удивилась бывшая жена совершенно искренне.

— Пишу диссертацию, — ответил он, пытаясь так приладить к подушке голову, чтобы с ее помощью можно было хотя бы разговаривать. — О жизни и размножении карибских попугаев в неволе.

Последовала выразительная пауза. Он был бы счастлив, если бы она продолжалась час, а еще лучше — до вечера.

— Ты шутишь, — обиженно протянула бывшая жена. И уточнила: — Ты ведь шутишь, да?

Черт ее знает, вроде она никогда не была тупой. Но всю жизнь они разговаривали, как глухой со слепым. Или как гусь со свиньей. Нет, это другое... Гусь свинье не товарищ, вот как. Интересно, кто из них свинья?

— Андрюша! — подбодрила бывшая жена, побуждая его высказываться более четко.

— А? — спросил он и потер затылок, в который теперь ломился курьерский поезд, причем с внутренней стороны. — Нет, я не шучу. Я никогда не шучу. У меня отсутствует чувство юмора. — Он помолчал и добавил: — Как таковое.

«Как таковое» — это было ее выражение, и он как будто увидел бывшую жену рядом с собой.

Это зрелище оптимизма ему не добавило.

«Как таковая, моя работа тебя совершенно не интересует... У тебя отсутствует чувство долга, как таковое...Как таковые, общечеловеческие ценности для тебя ничего не значат...»

— Андрюша, — сказала бывшая жена с хорошо прочувствованной интонацией, — я все понимаю. Ты до сих пор не можешь простить мне, что я от тебя ушла. Но мы цивилизованные люди и должны все же оставаться в рамках цивилизованных отношений...

— С чего ты взяла? — спросил он вяло.

— Что? — не поняла она.

— Что я не могу тебе что-то там такое простить?.. — выговорил он с трудом, потому что язык цеплялся за сухое небо и мешал ему блеснуть красноречием.

Не стоило этого говорить. Совсем не стоило.

Зачем он задает ей дурацкие вопросы? Не иначе как от вчерашнего перепоя у него помутился разум.

Как это говорят у них на работе? Снесло крышу, вот как. И еще — чердак потек.

Да, совершенно верно: от вчерашнего перепоя у него потек чердак.

Теперь жена в трубке объясняла ему, почему он так и не смог простить ей уход от него. На эту тему она могла рассуждать часами. Хорошо еще, что в трубке, а не у него в кровати.

— Ты ничего не понял, Андрей, — мягко утешала она, как будто он был подросток в переходном возрасте, который на глазах у всего класса не смог сделать «подъем — переворот». — Мы разошлись вовсе не потому, что я счи-

тала или считаю тебя недостойным. Твоя жизненная позиция заслуживает уважения, но ты заблуждаешься, думая, что всю жизнь сможешь прожить так, как живешь сейчас. Я не могла с этим смириться, я хотела большего, и ты прекрасно об этом знал...

Андрей осторожно вернул трубку на телефон, а телефон на журнальный столик. Зная бывшую жену, он был уверен, что через секунду она позвонит снова. Может, вообще сегодня к телефону не подходить?

Придерживая руками голову, чтобы не отвалилась по дороге, он побрел в ванную. Звонок настиг его уже у дверей, и он длинно содрогнулся, как от первого удара плетью по голой спине.

Ни за что не подойду. Хоть ты пополам разорвись от звона. Не подойду.

Он закрыл за собой дверь, и неистовые телефонные трели отдалились и сразу стали как будто совсем неважными.

Андрей неизвестно зачем глянул на себя в зеркало, скривился от отвращения и полез в облупившуюся ванну. Горячую воду дали только на прошлой неделе. Жильцы продержались на холодном пайке лишних десять дней. Все премии за экономию добывают, с вялой ленивой злобой подумал Андрей про ЖЭК. Конечно, поди проживи на зарплату рядового жэковца...

Это было смешно, и он улыбнулся, с наслаждением глотая попавшую в рот воду. Он злился вовсе не на махинации с водой, к которым все давно привыкли, а на себя за то, что вчера так надрался, а сегодня день начался со звонка жены. Бывшей.

Пока он трусливо отсиживался в ванной, телефон все разрывался от звона. Потом наступил короткий перерыв, во время которого Андрей побрился.

Теперь хорошо было бы что-нибудь съесть, но даже думать о запахе еды было страшно. Нет, нужно поесть, ему ведь сегодня за город ехать...

Хмуро глянув на телефон у разгромленного дивана, он пошел в кухню и плюхнул на плиту чайник. На этом силы иссякли окончательно, и Андрей в изнеможении при-

сел на табуретку у холодильника. Кажется, где-то была минеральная вода...

Хорошо, что вчера пили не у него, а то пришлось бы еще заниматься уборкой. От этой мысли его едва не стошнило.

Телефон опять зазвонил. Андрей замысловато выматерился и, выразив таким образом свое отношение к жизни, снял трубку в кухне.

Конечно, решение вовсе не подходить к телефону было очень правильным и даже некоторым образом героическим, но совершенно неосуществимым. В конце концов ему могли позвонить с работы.

— Да! — сказал он. От холодной минеральной воды к нему неожиданно вернулся голос.

— Андрюша, что случилось? — с тревогой спросила жена. — Так неожиданно все разъединилось, и я уже полчаса не могу до тебя дозвониться.

— Я был в сортире, — объявил он, зная, что ее тонкая натура не может выносить подобных натуралистических подробностей. — Мне неожиданно срочно понадобилось в сортир.

Жена поперхнулась какой-то почти вылепленной фразой, и Андрей был вознагражден несколькими секундами приятного молчания.

— Ты грубишь, Андрюша, — наконец печально констатировала она. — Что с тобой происходит в последнее время? Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Он вовсе не был уверен, что с ним все в порядке. Какой может быть порядок после такого перепоя?!

— Жанна, ты чего хотела? — спросил он, чувствуя, как минеральная вода льется в воспаленный желудок и, кажется, даже что-то там успокаивает. — Поговорить?

— Поговорить нам давно необходимо, — подтвердила жена с профессиональной интонацией. Она была психотерапевтом, с точки зрения Андрея, очень плохим. — Но я звоню не за этим.

— А зачем? — спросил Андрей. Чайник закипел, и, дотянувшись, он его выключил.

— Ты помнишь Иру Мерцалову? — спросила жена, и